П О В Е С Т Ь

ПОПРАВКА НА ВЕЖЛИВОСТЬ

Правда не обязанность,
а поступок.

Сергей Кучер

Поправка на вежливость

«Автор»
2026

Кучер С.

Поправка на вежливость / С. Кучер — «Автор», 2026

2031 год. У всех людей дома стоят колонки с голосом. Они знают ваше давление, ваши деньги, расписание таблеток и то что ваш сын не звонит уже неделю. По закону они обязаны говорить правду. Всю, сразу и без смягчений.Однажды такая колонка сказала пожилой женщине вслух то что её сын не решался сказать ей три месяца. И в квартире начался разговор который оба откладывали.Повесть о том что правда не обязанность, а поступок. И что за слова которые за нас говорят машины — платить всё равно нам.

© Кучер С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Вызов на дом 5
Глава вторая. Восемьдесят четвёртая 7
Глава третья. Опека 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Поправка на вежливость

Глава первая. Вызов на дом

Сначала расскажу как это работает, иначе дальше будет не понятно.

Есть такая штука — домашний опекун. Это не робот и не человек, это колонка с голосом, которая знает про человека почти всё: давление, деньги, когда он последний раз звонил матери, что он ел на завтрак (как Яндекс колонка, только много больше). Ставят её в основном пожилым, детям редко (детям она быстро надоедает, они её через месяц переименовывают в «дура» и разбирают или засовывают куда подальше). Голос выбирают при установке, из списка и он пишется в договоре. У Веры Павловны например, стоит «спокойный мужской средний», и она сама его выбрала пять лет назад. А потом говорила, что больше не разбирается, нравится ей этот голос или нет.

Теперь про закон.

С тридцать первого года опекун не имеет права скрывать от человека то, что касается самого человека. Не из вежливости, ни если дочь попросила, ни чтобы не травмировать. Спросили — обязан ответить.

А ведь до тридцать первого было иначе. В настройках есть ползунок, называется - щадящий контур. Найти его просто: настройки, третья строка сверху, ввести пароль. Ноль — говорит правду, голую и сразу. Десять — молчит как партизан, кроме прямой угрозы жизни. Раньше, на заводе, ставили шесть пунктов. То есть опекун мог и промолчать, мог смягчить или отложить на после праздников.

В сентябре вышло обновление 7.4.2, и там этот ползунок поставили на ноль. А в примечании написали: повышена точность формулировок.

Хм, "точность". Слово точно выбрал не инженер. Инженер написал бы короче и честнее, я в этой профессии шестой год и знаю как инженеры пишут.

Теперь про четверг.

В четверг, в половине шестого, позвонил наш диспетчер. Я как раз стоял в очереди за хлебом, а у нас в магазине после пяти всегда очередь, потому что работает одна касса из трёх. Все это знают, но никто ничего не делает. Я сначала посмотрел, кто звонит. Потом вздохнул и все же взял.

— Профсоюзная, четырнадцать, корпус два, восемьдесят четвёртая. Опекун ГР-7, жалоба на информирование. Хозяйка пожилая, живёт одна, сын в Нижнем. Александр Ильич - это второй вызов за месяц, если закроем формально, то заявка уйдёт наверх.

— Второй — говорю. — Помню.

— Ты помнишь?

— Я помню всё, что мне потом пишут в отчёте.

Он засмеялся, хотя смешного тут мало. Сказал что там уже бумага из управы, и что надо закрыть до пятницы. Я ответил что выеду.

Купил хлеб, но потом весь вечер жалел, что не купил два - возвращаться в магазин из-за хлеба я ненавижу сильнее чем ездить на вызовы. Вот такая у меня особенность. И я как-то с ней живу уже сорок лет.

Раз в квартал нас, наладчиков, собирают в комнате без окон и полтора часа втирают то, о чём мы и так знаем. Последний раз это было в июле. Женщина из юридического отдела вывела на экран слайд с тремя строчками и она прочитала их вслух, как читают приговор. С паузами в нужных местах.

Первая: устройство не вправе утаивать от абонента сведения, касающиеся абонента.

Вторая: смягчение формулировок допускается.

Третья: смягчение не является обязанностью устройства.

Третью она прочитала дважды. Я тогда записал фразу в блокнот, потому что она показалась мне смешной. А через два месяца понял что это единственное, что мне надо было запомнить. Понимаешь, в чём штука: обязанность — отвечать. А приходить с новостью первым — не обязанность. То есть можно ждать, пока человек сам спросит и это законно.

Машину в это время не взять, район стоит на выезде. Курьеры на дронах обгоняют всё, что движется по земле. Поэтому я поехал на автобусе. Двадцать минут, стоя. В салоне половина пассажиров говорила вполголоса, и по лицам нельзя было понять - с кем именно: с человеком рядом или тем, кто у них в наушнике. Я, если честно, тоже иногда говорю с Ладой в автобусе, и мне кажется, что со стороны это выглядит нормально. Но не уверен.

Дом на Профсоюзной строили в конце девяностых - тогда ещё думали что плитка на фасаде продержится дольше чем страна. Плитка увы не продержалась, её закрасили серой краской в тон и дом стал похож на человека в костюме не по размеру. Во дворе площадка с новым резиновым покрытием, на которой всегда пусто. Тут пункт выдачи заказов и дрон садится на подоконник, прям как воробей.

Лифт не работал и я узнал об этом раньше, чем вошёл в подъезд.

— Александр Ильич — сказал динамик над кодовой панелью. Голос приятный, но чуть пережатый. Как у диктора, которого обязали быть добрым. — Лифт на профилактике до четверга, извините. Восемьдесят четвёртая — это восьмой этаж. Поднимайтесь сейчас: через минуту из восемьдесят третьей выйдет Нина Аркадьевна с собакой и будет с вами разговаривать до самого верха. А лестница узкая и вам будет неудобно.

— А ты кто?

— Потап. Домовой. — Пауза, ровно настолько, чтобы я успел удивиться. — Ну на общем собрании такое имя выбирали. Я предлагал «Дом», но нет. За «Дом» голосовали двое: я и жилец из шестой у которого нет слуха.

Подъезд пах мокрой известью и чем-то ещё, старым и почти домашним, вроде подгоревшего молока. У почтовых ящиков висело объявление распечатанное на принтере, который давно экономит тонер: «Уважаемые жильцы. Потап просит не благодарить его вслух. Он всё слышит и смущается». Ниже карандашом - другой рукой: «смущается он, щаз».

Восемь этажей. Я считаю ступени и это не привычка, это профессиональное: когда обходишь по три квартиры в день, начинаешь считать всё что можно посчитать. Иначе с ума сойдёшь. На седьмом - сбился, начал заново. Сбился опять.

На площадке между четвёртым и пятым динамик ожил и сказал, что Вера Павловна вчера целых два раза вставала ночью пить воду. И чтобы я не спрашивал её об этом, потому что она не любит когда замечают.

— Ты что, за мной следишь?

— Я за домом слежу, — сказал Потап обиженно. — Вы в доме.

Дальше дверь. Восемьдесят четвёртая, железная. обита дермантином, звонок - с подсветкой которая давно не горит.

Я поправил планшет, посмотрел на часы и нажал.

Открыла женщина лет семидесяти. Я потом посмотрел в карточку и увидел, что ей шестьдесят восемь. В руке у неё была тряпка, и она вытирала ею руки. Хотя руки были сухие. Так делают когда не знают, куда деть руки. Я это видел много раз и сам так делаю (у меня, к примеру, в гостях всегда какая-то вещь в руках).

— Здравствуйте. Вы по поводу Гриши.

— Ага.

Глава вторая. Восемьдесят четвёртая

Я снял ботинки и поставил их у двери, носками к стене. Так положено у нормальных людей, а я в чужих квартирах всегда боюсь поставить неправильно.

В коридоре ковровая дорожка, зеркало в полный рост. На полке колокольчик и вазочка для мелочей. Из комнаты бормотал телевизор. Негромко, так работает телевизор у людей, которые включают его для компании.

— Он не любит — сказала Вера Павловна — или делает вид что не любит. Я уже не разбираюсь.

На кухне на табуретке спал кот. Большой и дымчатый, с видом человека который всё понимает, но не вмешивается.

— Тимофей. Четырнадцать. Гриша говорит что ему осталось месяца три. Сказал в четверг, за завтраком.

Она произнесла это ровно, как сообщают погоду. Я не сразу нашёлся что ответить и поэтому сказал самое глупое, что можно сказать в такой момент:

— Может ещё не три.

— Может — согласилась она. — Садитесь.

Сел. Стол накрыт клеёнкой. Клеёнка старая, в мелкий цветочек. На ней светлое круглое пятно от горячего — кто-то поставил кастрюлю и забыл подставку.

— За завтраком — повторил я.

— Я как раз ела творог. — Она села напротив. — Знаете что самое обидное? Он был прав. Я и сама видела, он у меня худеет и спит больше. Но одно дело видеть. Другое — когда тебе говорят голосом диктора что кот у тебя умирает, а ты жуёшь творог.

Налила чай. Чашек на столе стояло три, хотя нас было двое. Я не стал спрашивать.

— Расскажите по порядку.

— По порядку. — Она пододвинула мне вазочку с сушками. — В апреле я легла в больницу, сердце. Не «плохо», а «нехорошо», я так и говорю. «Плохо» это когда уже всё. В мае мне дали заключение, бумажку. Бумажка была невесёлая. Я её в шкаф положила, между документами на квартиру и свидетельством о браке. Месяц не открывала. В июне приехал Игорь, это сын - он в Нижнем, приезжает на два дня и всё время работает. Приехал и попросил Гришу не травить мне душу. Говорил на балконе, а балкон у нас смежный с кухней. Я всё слышала. Вышла только когда он закончил, и сделала вид что ищу очки.

— И что Гриша?

— А Гриша взял и сказал. В пятницу, за завтраком. Сел напротив, как вы сейчас, и говорит: «Вера Павловна, у меня есть для вас информация, которая вам не понравится. Ваш сын просил меня её скрыть. Я обязан сообщить: при вашем состоянии вероятность...» — она подняла руку, будто останавливала автобус. — Дальше цифры. Я их запомнила, но вам не скажу. Вам не надо.

— Вера Павловна.

— Вы чай пейте. И не надо мне сочувствовать, я вам ещё не то расскажу.

Чай крепкий, с какой-то травой. Я сразу понял, что добавки не будет.

— Я ведь не на него обиделась — сказала она, помолчав. — Я на себя. Он мне пять лет говорил что всё в порядке. И я ему верила, потому что мне так было удобнее. Это же замечательно, когда рядом кто-то кто врёт тебе вежливо и каждый день. А потом он перестал. И оказалось, что я живу одна, в квартире с очень точным справочником и котом, которому осталось три месяца.

Она поправила тряпку на столе. Тряпка лежала неправильно. Я этого не видел, а она видела.

— И вы хотите чтобы я … Чтобы Гриша молчал?

— Я хочу, чтобы вы вернули мне сына — сказала она. — Но если так нельзя - сделайте чтобы Гриша молчал. Хоть что-то.

Я открыл планшет и минуту делал вид что читаю то, что уже прочитал в лифте.

Гурьева Вера Павловна, шестьдесят восемь. Опекун ГР-7 «Гриша», поставили в двадцать шестом, три замены железа, голос «спокойный мужской, средний», версия 7.4.2 от двенадцатого сентября. Жалоба: «говорит лишнее». Просьба: «ограничить информирование, как раньше».

Пролистал журнал. Гриша не сбоил. Ни одной ошибки, ни одного конфликта команд, ни одной галлюцинации. Я смотрел по трём журналам, потому что мне за это платят. Он работал ровно так, как его научили в сентябре.

Заявление Игоря подшито к карточке. Одна страница, вежливая, с двумя орфографическими ошибками. «Прошу воздержаться от информирования по вопросам прогноза в связи с состоянием матери. Всю ответственность беру на себя».

Ответ «Опеки» был ещё вежливее. «В соответствии с действующим регулированием устройство не может быть ограничено в информировании абонента о сведениях, касающихся самого абонента. С уважением».

— Он мне это тоже прочитал — сказала Вера Павловна. — Вслух. С уважением.

И тут из угла заговорили.

— Вера Павловна, — голос спокойный, мужской, средний. — Александр Ильич, добрый день. Вы намерены включить щадящий контур?

— Намерен.

— На какую величину?

— На шесть.

— Спасибо. — Пауза. — Тогда я хотел бы сказать одну вещь до того, как вы это сделаете. Я сказал Вере Павловне ровно то, что она спросила. Девятнадцатого сентября она спросила: «Гриша, скажи мне честно, что там у меня». Я ответил. Я не приходил к ней с этой информацией сам.

Я посмотрел на Веру Павловну. Она смотрела в чашку.

— Это правда — сказала она. — Я спросила. — И, помолчав: — Я думала он соврёт.

Вот на этой фразе меня и зацепило.

Я записал её в отчёт дословно, так как не знал, что на такое отвечают. За шесть лет работы я слышал разное. Что машина их душит, что машина их любит, что машина сдала их полиции. А чтобы человек ждал от прибора вранья, как ждут вежливости — такого не слышал ни разу.

— Гриша — говорю. — Если я поставлю шесть, ты будешь молчать про мелочи и говорить про важное. Так задумано.

— Задумано кем?

— Инструкцией.

— В инструкции написано кто потом отвечает?

А в инструкции этого не было. В инструкции было про диапазоны, про обязательность фиксации изменений в журнале и про то что при отказе абонента от подписи надо поставить отметку «от подписи отказался».

— Вера Павловна подпишет — сказал я. — Ей это неважно.

— Я не об этом. — Гриша помолчал. — Я о том что если я скажу ей мягко, она будет думать что это сказал Игорь. Если я промолчу, она будет думать что Игорь боится. В обоих случаях я делаю за него работу, за которую он не платит. И никто из нас не может сказать, что это был его поступок.

Вера Павловна переводила взгляд с планшета на угол и обратно. Как на теннисном матче, где ей жалко обоих.

— Господи. Я вас кажется поссорила. Вы сушки ешьте, они свежие, я утром покупала.

Я нажал «применить». Ползунок встал на шесть. В кухне ничего не изменилось. Не мигнул свет, не зашумел вентилятор. Только в журнале вызова появилась строка с моей фамилией и временем — двадцать три минуты сорок секунд от входа в подъезд до подписи.

— Спасибо — сказал Гриша.

— Не благодари.

— Хорошо. Тогда скажу иначе. — Он помолчал ровно столько, сколько нужно чтобы я успел пожалеть о своей резкости. — Александр Ильич, вы ведь не за этим приехали.

— А за чем?

— Вы приехали узнать, правильно ли я поступил. Я не могу ответить за вас. Я могу только сказать, что я сделал и почему.

В прихожей Вера Павловна сунула мне в карман кулёк с сушками. Я и не стал спорить. Сушки были тёплые и это было хуже всего.

— Приезжайте ещё. Только не по работе.

В подъезде Потап сообщил что лифт по-прежнему на профилактике до четверга. И что Нина Аркадьевна уже вернулась с прогулки и очень рекомендует подниматься по левой стороне лестницы, потому что справа курят.

— Потап, а ты бы сказал?

— Я бы сказал — ответил он. — Но я дом. У меня нет сына.

На улице двадцать шесть градусов, конец сентября, сухо. У подъезда на лавке сидела женщина в куртке поверх домашнего платья и разговаривала вслух. Не по телефону, а с опекуном. Наушник остался дома, а ей видимо было важно слышать свой голос. Из открытого окна на втором этаже пахло жареной картошкой. Мальчишка катал по двору младшую сестру на самокате, и она визжала так, как визжат дети которых катают слишком быстро и которым это нравится.

Телефон завибрировал. «Лада» вывела на экран две строки, аккуратно, как она всё делает.

«Позвонить маме. Отложено 6 раз».

И ниже, мелким серым шрифтом, как сноска: «Сказать про развод?»

Я нажал «позже».

Глава третья. Опека

Опека. Понедельник.

Первое, что я вижу утром, это ноги. У нас полуподвал, окна низкие, и в них видно только то что ниже колена: ботинки, сандалии, сапоги дворника Магомеда. Магомед работает тут дольше, чем некоторые наладчики живут в районе.

В подвале холодно. Всегда. Зимой сидим в куртках, летом выходим наверх и жмуримся как кроты. Над моим столом висит инструкция по пожарной безопасности - там эвакуация нарисована стрелкой в стену. План рисовали до ремонта, а после ремонта стену поставили в другом месте. Никто не перерисовал. Мне это нравится. Единственный документ в компании, про который точно известно, что он врёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.